

ЯНИЦКИЙ О.Н. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА: 1852–2002.
М.: Изд-во LVS, 2002. — 176 с.

Вероятно, любому человеку по достижении некоторого возрастного рубежа хочется мысленно остановиться на прожитых годах, попытаться понять, какую часть себя он передает детям и внукам. Каждая личность неповторима, она — микрокосмос. Однако некоторые наши черты характера, мотивы поступков мы находим у своих предшественников. Даже написанные нами тексты порой очень напоминают дневники, скажем, двоюродного деда, жившего 150 лет назад. Приходит ощущение удивительной связи наших близких и далеких предков, принадлежащих к одному дереву, ветви которого имеют не только различия, но и поразительное сходство. Возникает желание окунуться в реку времени, понять свое место в череде поколений, оставить тем, кто придет после тебя, некий текст-эстафету.

Субъективно трудно, оставив текущие дела, сосредоточиться на прошлом; есть и очень серьезные объективные трудности, свойственные только что ушедшему веку. Тридцать лет назад уже было написано: «Наша эпоха оставит мало живых показаний: редко кто вел дневник, письма были короткими, деловыми — “жив, здоров” <...>; мы слишком часто бывали в размолвке с нашим прошлым, чтобы о нем хорошенько подумать. За полвека множество раз менялись оценки и людей, и событий; фразы обрывались на полуслове: мысли и чувства невольно поддавались влиянию обстоятельств». Это И.Г. Эренбург, 1965 г. [1, с. 7].

А что же век двадцать первый? Электронная почта, Интернет создают все большую угрозу поддержанию «малой» исторической памяти — истории семей, которая к тому же часто слагается из не виртуальных объектов — старых вещей, фотографий, писем, случайно или намеренно хранимых, старых пропусков, справок, железнодорожных билетов...

В дореволюционной России существовала историческая дисциплина — генеалогия, издавались научные труды, например, многотомные дворянские родословные, «Малороссийский родословник» и т. д. В 1933 г. М. Волоцкий опубликовал «Род Достоевских» [2]. Но в 30-е годы генеалогия вместе с евгеникой, гебраистикой, византинологией и университетскими курсами истории оказалась вредной буржуазной наукой. Одним из первых репрессированных социальных движений было краеведческое. Оно не было политическим, но хранило историческую память «малых родин», что мешало режиму реализовывать свою социальную утопию и формировать «нового человека»¹.

¹ О роли краеведческого движения в России и его разгроме в послереволюционные годы см. подробнее [3].

Небольшую изящно изданную, с множеством иллюстраций книгу я прочитал залпом. Должен признаться, что сам я стал историком в весьма зрелом возрасте², а до того был в плену глубокого исторического нигилизма; вероятно бацилла «Краткого курса истории ВКП(б)» оказалась во мне довольно живучей. Хорошо еще, что сохранил весьма скупые семейные архивы, не выходящие по времени за пределы одного поколения... «Оправданием» может служить только то, что среди родственников обязательно находились такие, о ком спрашивать моими родителями «не рекомендовалось»: как и тысячи других, они скрывали социальное происхождение близких, «нежелательные» моменты их биографий (аресты, ссылки, немецкий плен)...

О.Н. Яницкому и его двоюродному брату В.О. Шмидту посчастливилось стать обладателями и верными хранителями обширного письменного и фотографического архива семейного клана Яницких-Шмидтов. Автор «Хроники» сумел распорядиться этим наследием достойно. Его книга вместе с рядом других [7–9] позволяет уже первому постсоветскому поколению читателей лучше понять российскую историю, причем не в «цифрах и фактах», а в жанре личностном, биографическом, сквозь призму судеб семей и малых общностей. Думаю, этот жанр не только расширит познавательный горизонт социально-исторического интереса, но и будет способствовать укреплению у людей «почтительного отношения» к собственным родословным. А для наступающих времен хорошо, когда подобные тексты имеются в свернутом, архивированном виде (надеюсь, электронная копия «Хроники» существует).

Структурно книга состоит из авторского введения, десяти биографических очерков и краткого заключения. Охватывая почти 150 лет жизни семейного клана (три поколения), она открывается очерком «Дед». Это о профессиональном военном медике, докторе медицины Федоре Феодосьевиче Яницком, служившем при трех императорах и прошедшем три военных кампании (русско-турецкую, русско-японскую и первую мировую). Автор с видимым удовольствием цитирует письма деда с русско-японской войны о состоянии русского общества перед революцией 1905 г., которые лишний раз дают повод удивиться мыслям прозорливых людей из далекого прошлого, тем более что сформулированы они были не за письменным столом и не в дискуссионном клубе, а в действующей армии.

Не менее удивительно, что Ф.Ф. обсуждал эти темы в письмах к 15-летней дочери. Вот характерный фрагмент: «Не думай, Верушка,

² Доктор геолого-минералогических наук В.П. Волков — составитель, ответственный редактор и автор обширных комментариев к работам серии «Библиотека трудов академика В.И. Вернадского» [4–6], а также автор многих научных и публицистических работ по истории науки. — *Прим. ред.*

что я против реформ... но для них нужна подготовка прежде всего *самих себя*. Ну а если теперь каждый из нас поисповедует свою совесть и спросит, *подготовлялся ли он к реформам, изучал ли он те вопросы, которые хочет реформировать и как их надо реформировать*, чтобы не вышло еще хуже... Немцу, англичанину, французу — их реформы хороши, для них и только для них, ибо они их продумали, глубоко прочувствовали, изучили и взяли от корня свое родное, историческое, а не чужое — краденое... Мы очень хорошо знаем иностранную историю, революцию во Франции и Англии, но не интересуемся своей родной историей...» (с. 13, выделено автором письма). Много ли сегодня найдется людей, которые столь серьезно обсуждают с детьми-подростками политическую ситуацию в России, апеллируя к их знанию истории, как европейской, так и российской?

А вот пример из другого письма Ф.Ф. Яницкого 1909 г. к дочери: «...воспитание души человека должно быть на первом плане... В наше время все эпидемически взялись за желудок, за карман, за шкуру и в этом видят спасение общества. Душу человека забыли, даже теплившуюся искру духовности и ту поспешили погасить. Вместо церкви повели народ поучать в кабаки и на митинги... Вот о чем должна призадуматься и порадеть русская женщина на пользу русского народа» (с. 17). Как будто это про нашу российскую действительность.

Сохранившиеся письма позволяют зримо представить себе облик давно ушедшего человека, тем более что в книге подробно представлена и внешняя канва биографии Ф.Ф. Здесь бесценным даром семье стали неопубликованные биографические очерки отца автора — Николая Федоровича Яницкого — о своих родителях и сестре; вероятно, на склоне лет Н.Ф. Яницкий счел своим долгом сделать все, чтобы письменная связь времен в семье не распалась.

В жестокое время мы стыдимся своих чувств к близким, прятая их, черствея. Поэтому хочу из множества трогательных свидетельств отношения Ф.Ф. к членам своей семьи выделить фрагмент из еще одного его письма к дочери, написанного в разгар гражданской войны (из Киева в Петроград): «Ты не поверишь, сколько радости и ласки приносит мне каждое твое письмо. Спасибо тебе, дорогой мой друг единственный; от всего любящего родительского сердца благодарю тебя! Ты поняла и учла мое теперешнее безотрадное и тяжелое положение и состояние, и чутко психологически отнеслась к нему, как не раз делала это во время постигавшего горя дорогая наша покойная Мама!

Восприняв от нее эти высокие качества ее души, ты в это неимоверно трудное для меня время заменяешь ее для меня. Не сомневаюсь, что, незримо присутствуя среди своей семьи, которой она отдавала все свои силы, она, родная наша, и теперь не перестает печаловаться и заботиться о нас всех, и в лице твоём посылает мне облегчение и нравственную поддержку» (с. 23).

Глава «Дед» написана отстраненно, голос самого автора почти не слышен, за него говорят тщательно отобранные фрагменты писем. Однако мне кажется, что, став историографом семьи, автор узнал и горячо полюбил своего деда. Вот заключительный абзац главы: «Когда в 1921 г. Ф.Ф. перебрался в Москву (из Крыма. — *В.В.*) и жизнь стала постепенно налаживаться, он продолжал оставаться той же деятельной натурой. Лечил внуков, занимался домом, интересовался новинками медицинской литературы, но более всего его влекло прошлое. Уже будучи 80-летним стариком, он несколько раз ездил в Киев и Жмеринку поклониться дорогим его сердцу могилам» (с. 31).

Глава «Бабушка» написана в той же манере. Бабушка автора, Елизавета Львовна Яницкая, была одной из первых в России женщин-врачей, верной помощницей своего мужа (еще до окончания Женских врачебных курсов она уехала с мужем, тогда земским врачом, на эпидемию дифтерии в глухой уезд Полтавской губернии, где потом проработала еще 6 лет)³. Е.Л. помимо своих двух детей воспитала еще троих приемных. Обладая педагогическим даром, она сумела передать его последующим поколениям семьи. Вот слова ее сына Н.Ф. Яницкого: «Мама считала, что наказание — не воспитательная мера, что наказание озлобляет ребенка и закрывает его душу от родителей, заставляя его в будущем бояться родителей и что-то от них скрывать. Ни разу ни отец, ни мать не ударили нас (хотя бы и в состоянии раздражения). ... Воздействие на детей должно было оказывать лишь твердое слово родителей, основанное на взаимопонимании и доверии» (с. 52).

Очень интересна глава «Отец». В ней много размышлений «от автора», хотя источниковую базу оставил детям и внукам сам Николай Федорович: это опыт автобиографии, биографические очерки о родителях и сестре, письма, документы, отличный фотоархив. Фотография была одним из увлечений этого талантливого человека, мечтавшего стать музыкантом, а ставшего организатором книжного дела (с 1922 по 1931 г. Н.Ф. был директором Государственной книжной палаты), а затем экономгеографом.

В 1917 г. Николаю Федоровичу было 26 лет. Он, ученик известного российского историка М.В. Довнар-Запольского, был приват-доцентом Киевского университета по кафедре русской истории, автором уже нескольких монографий по истории Новгородской Руси. Вполне понятно его отношение к «новой эре», наступившей после

³ Замечу, что в конце XIX в. профессиональная социальная статистика в России была неплохо поставлена. По данным анкетного опроса, проведенного в 1890 г. Бюро женщин-врачей, учрежденном на 3-м Пироговском съезде в Петербурге, за годы работы земским врачом Е.Л. Яницкая приняла 11690 больных амбулаторно и посетила еще 19066 больных на дому (с. 34).

октября 1917 г. Из письма Н.Ф. к сестре: «...через черный анархокоммунизм мы прямо открываем себе дорогу в черно-самодержавную Россию»... «“Всемирная социальная революция”? “Братство всех народов”? Как это все “красиво” и “смешно” — десяток-сотня продажных умников и 120–140 миллионов дурачья, которых завлекли прекрасным и понятным идеалом, а кончили тем, что продали Родину» (с. 58).

«Новая эра» оставила и на нем свои зарубки. Но все же жизнь Н.Ф. после «крымского сиденья» 1919–1921 гг. (удел многих российских интеллигентов) сложилась относительно благополучно: он сумел найти интересную творческую работу — сначала библиотечное дело, потом наука, наконец, на склоне лет — неспешная, но целеустремленная работа над семейным архивом, без которого его сыну было бы крайне сложно написать «Семейную хронику».

И вновь хочу процитировать мысль одногодка Н.Ф. — писателя И. Эренбурга (оба они родились в 1891 г.): «Многие из моих сверстников оказались под колесами времени. Я выжил — не потому что был сильнее или прозорливее, а потому, что бывают времена, когда судьба человека напоминает не разыгранную по всем правилам шахматную партию, но лотерею» [1, с. 7].

Автор «Хроники» не додумывает и не выдумывает, не берется говорить об истории в сослагательном наклонении. Мне как его читателю и ровеснику многое говорят вот такие замечания: «При всей его <отца> выдержке и корректности в любом круге общения он оставался очень закрытым. Семья, узкий круг ближайших родственников и друзей, музыка, книги всю жизнь составляли его привычный мир. Никогда не слышал дискуссий на политические темы даже в 1960–1970-х гг.» (с. 53)... Не помню, чтобы отец сколько-нибудь заинтересованно участвовал в баталиях, разворачивавшихся тогда в стенах Географического общества СССР. Не любил он участвовать в периодических публичных или газетных перепалках (иногда принимавших политический характер) двух географических школ, а скорее просто ведомств — Академии Наук СССР и Московского университета» (с. 65).

Главное же в очерке об отце, по-моему, последний абзац, раскрывающий «семейную связку» и потому особо значимый для молодого поколения. Приведу его полностью. «Отец очень любил маму, и если она намного продлила его жизнь, никогда не отдавая его в больницу, то он, особенно в старости, когда серьезно болеть стала она, фактически подчинил свою жизнь ее болезни, ее ритмам и поворотам. Как выяснилось, стержнем семьи был всегда он, никогда не повышавший голос, хотя мама обладала исключительно властным и даже суровым характером» (с. 68).

Проникновенно написан очерк о матери — Елизавете Федоровне Яницкой. Она была высококвалифицированным врачом, причем за

годы жизни сменила как минимум три врачебные специальности (а во время Отечественной войны возглавляла военный госпиталь в Казани). А еще она дважды подарила жизнь своему сыну. Вот как рассказано об этом: «Если кто-нибудь в семье заболел, мама всякий раз проявляла недюжинные мобилизационные способности. Когда в 1950 г. у меня на отдыхе ... случился гангренозный аппендицит, мама собрала на консилиум все местные хирургические силы, а потом, не удовлетворившись его результатами, уговорила зав. отделением туберкулезной больницы, где я лежал, остаться со мной на ночь, и была права, потому что счет шел на часы. Меня оперировали буквально в последний момент. Так мама спасла мне жизнь, а уход за выздоравливающим был доверен отцу» (с. 76–77).

Очень интересны главы о чете Шмидтов — Вере Федоровне и Отто Юльевиче, знаменитом ученом и полярном исследователе.

Вера Федоровна была прирожденным педагогом. Работая под руководством известного психолога Л.С. Выготского, В.Ф. вела педагогические, психологические и психотерапевтические исследования. Она была много лет секретарем Русского психоаналитического общества⁴, участницей двух международных психоаналитических конгрессов, встречалась и переписывалась с З. Фрейдом и его дочерью Анной Фрейд.

Результатом наблюдений над тем, как рос сын Владимир стал «Дневник матери», объемистая рукопись в несколько сот страниц, фрагменты которой только готовятся к печати. К.И. Чуковский, который тогда неоднократно бывал у Шмидтов, цитировал «Дневник» в своей книге «От двух до пяти». Интересно, что под влиянием родителей В.Ф., еще будучи студенткой, сформулировала в 1910 г. несколько принципов дошкольного воспитания, которых придерживалась всю жизнь. Вот некоторые из них: гармоничное развитие души и тела; индивидуализация воспитания; любовь к детям и дому; нравственный авторитет и личный пример родителей; отсутствие наказаний; полное доверие к ребенку... (с. 97). После смерти матери В.Ф. стала моральной опорой большой семьи Яницких-Шмидтов, а названные принципы передавались из поколения в поколение; о них высоко отзывался австрийский психолог и психоаналитик Вильгельм Райх⁵ [10].

Очерк «Отто Юльевич <Шмидт>» — отнюдь не очередной вариант его биографии. Автор постарался обнаружить то влияние — пря-

⁴ Русское психоаналитическое общество было создано летом 1922 г., его председателем стал Иван Дмитриевич Ермаков (1875–1942), психиатр, ученик В.П. Сербского.

⁵ В 1920-х годах В. Райх неоднократно бывал в СССР, знакомился с работой детского дома «Международная солидарность», где работала В.Ф. Шмидт, бывал дома у семьи Шмидтов.

мое, но чаще и глубже косвенное, — которое оказал этот человек на «большую семью» и ее окружение. Обширное эпистолярное наследие и неопубликованные воспоминания об О.Ю., оставленные Н.Ф. Яницким, позволили автору «Хроники» дать тонкий психологический портрет Шмидта, акцентируя внимание на чертах его характера, ценных для поддержания психологического климата в семье. Вот резюме: «О.Ю. всю свою жизнь постоянно помогал детям, родным и близким. Заботы тестя, Федора Феодосьевича, о его здоровье окупались сторицей — до конца своих дней Ф.Ф. жил вместе с семьей О.Ю. ... О.Ю. вплоть до своей тяжелой болезни заботился о семье Яницких. И не только заботился — он, начиная с гимназических лет, все время общался с этой семьей: у них дома» (с. 121), на их даче в Святошине под Киевом, в театре и опере, в кружке интеллектуально-наслаждения⁶, на домашних концертах и вечерах, в поездках в Крым и на Кавказ.

Биографии О.Ю. Шмидта как члена большой семьи и общественного деятеля переплетаются. В частности, благодаря записям, оставленным Н.Ф. Яницким, и последующим архивным изысканиям удалось подтвердить существование в предреволюционном Киеве неформальной политической и общественной организации младших преподавателей «Молодая Академия», с которой, собственно говоря, и началась политическая карьера Шмидта.

Особняком стоит самый трагический очерк книги — о Владимире Осиповиче Лихтенштадте, двоюродном брате Н.Ф. Яницкого. Молодой ученый-химик стал революционером, членом группы эсеров-максималистов, участвовал в подготовке покушения на П.А. Столыпина (изготавливал «метательные снаряды»). Последовал арест; смертный приговор был заменен пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости. Как писал его товарищ по Шлиссельбургу И.П. Вороницын, «Владимир, как его знала почти вся политическая и уголовная каторга, любимцем и вождем которой он со временем стал, был исключительно даровитой и оригинальной натурой». Лихтенштадт сначала не был «убежденным марксистом, которым он стал впоследствии. Он только искал еще в области социальных и политических вопросов, тогда как в вопросах философских еще стоял на позициях крайнего индивидуализма» [11]. В тюрьме В.О. написал философский трактат, увидевший свет уже после его смерти [12].

Семья Яницких-Шмидтов постоянно поддерживала политкаторжанина, несмотря на риск быть обвиненными в «неблагонадежно-

⁶ Домашний кружок «Интеллектуальное наслаждение» был создан В.Ф. Шмидт в 1910 г. На его заседаниях, кроме упомянутых тезисов В.Ф. о воспитании, обсуждались весьма серьезные темы, например, «Схема экономического развития вообще и России в частности», «Национализм и космополитизм» и др. (с. 97).

сти». Ф.Ф., убежденный монархист и государственный, считал своим христианским долгом помогать осужденному на пожизненное заключение.

Февральская революция освободила В.О. из тюрьмы, где он провел почти 11 лет. Глубину духовной драмы этого человека можно почувствовать по его письмам к жене [13], которые цитируются автором «Хроники». «Большевизм, это, конечно, не просто предательство, хулиганство, подлость и глупость. Это в основе своей — своеобразный синтез двух течений: 1) нашего интеллигентского максимализма... и 2) той солдатской психологии, которая создавалась в итоге неслыханного трехлетнего экспериментирования над крестьянской массой...» (с. 127).

Выйдя на свободу, В.О. пишет В.Ф. Шмидт, что хочет закончить работу над рукописью о Гёте и вообще «устроиться» так, чтобы остаться интеллигентом, человеком науки, книги. Но в конце 1918 г., после революции в Германии, происходит резкий перелом настроения: «Для меня Рубикон перейден — я с большевиками ... Общее и личное совпало — надо жить, можно жить, борясь за что-то огромное, необъятное, почти космическое — таких моментов так мало в истории! Пусть мы погибнем, пусть нас задавит великий Левиафан — мы прожили хоть минуту так ярко, как не жил никто до нас, как сотни лет не будет жить никто после нас...» (с. 129). В.О. уходит на фронт и при наступлении генерала Юденича на Петроград погибает. Вот уж, действительно, революция пожирает своих детей!

Заключительная глава «Хроники», носящая автобиографический характер, написана скромно и, пожалуй, чересчур лаконично. Может быть, так и следует в книге, посвященной «большой семье», — не берусь судить, хотя, на мой взгляд, биографии моих современников представляют интерес не меньший, чем биографии поколения рубежа XIX–XX вв.⁷

Надеюсь, что те, кто прочтет «Семейную хронику», выпущенную микроскопическим тиражом, расскажут о ней своим близким и друзьям, что подвигнет их следовать этому примеру или хотя бы заняться пополнением и исследованием семейного архива. Бережное отношение к бесценным памятникам «малой истории» — истории семей — позволит сохранить духовный генофонд нации, подвергнутый разрушению нами самими в затянувшиеся десятилетия лихолетья. Книга О.Н. Яницкого — одна из первых ласточек...

⁷ См., например, [14]. Как историк, занятый в течение ряда лет комментированием профессиональной и публичной биографии В.И. Вернадского, отмечу, что проект «Профессиональные биографии», осуществляемый ныне в Институте социологии РАН, представляется интересным именно влплетенностью биографий ученых в изменяющийся исторический и социальный контекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Эренбург И.Г.* Сочинения в 9-ти томах. Т. 8. М.: Художественная литература, 1966.
2. *Волоцкий М.В.* Хроника рода Достоевского. М.: Север, 1933.
3. *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М.: Феникс, 1992.
4. *Вернадский В.И.* Публицистические статьи. М.: Наука, 1995.
5. *Вернадский В.И.* Дневники: Март 1921 — август 1925. М.: Наука, 1998.
6. *Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. М.: Наука, 2001.
7. *Вишневский А.Г.* Перехваченные письма. М.: ОГИ, 2001.
8. *Власова Е.В.* Домашний альбом. М.: ИЧП «Маугли», 2002.
9. *Зарудная-Фриман М.* Мчались годы за годами: история одной семьи. М.: НЛЮ, 2002.
10. *Райх В.* Сексуальная революция. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 317–325.
11. *Вороницын И.П.* История одного каторжанина. М.: Госиздат, 1926. С. 133.
12. *Лихтенштадт В.О.* Гёте. Борьба за реалистическое мировоззрение: искания и достижения в области изучения природы и теории познания / Предисловие А. Богданова. Петербург: Госиздат, 1920.
13. *Герасимова Н.К., Марголис А.Д.* К тебе и о тебе мое последнее слово: письма В.О. Лихтенштадта к М.М. Тушинской // Минувшее. Исторический альманах. Т. 20. М.: Atheneum–Феникс, 1996. С. 129–165.
14. Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М.: Институт социологии РАН, 1996.

В.П. Волков,
доктор геолого-минералогических наук